

К 556
4

КРОКОДИЛ

ВСЕ ПО-СТАРОМУ.

Конгресс Социалистического (Второго) Интернационала в Марселе открылся под звуки веселого марша.

Рис. А. Радакова.

— Что это за марш они играют?
 — Разве не слышите? Обыкновенный социал-демократический: „Под двуглавым орлом“.

Рис. А. Радакова.

— Батюшки, куды это скот бежит?
— Спасаются. Узнали, что землемер едет. А ему, ироду, каждый день непременно подай либо поросенка, либо курят пару.

ХОРОШО ПИШУТ.

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности; употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать: недочеты, или недостатки, или пробелы.

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?..
(В. И. Ленин).

В станице Ахтырской, Абинского района, Кубанского округа, хмуро сидели председатель и секретарь станичного исполнительного комитета и думали горькую думу.

— Казаку так рассуждать не годится, казак все должен уметь, тем более—начальство! А то спросят казаки: «а как наш председатель отчет написал?» И придется ответить, — плохо, мол, написал отчет ваш председатель. Просто плохо. И поймут казаки, что не годится их председатель, хоть и перебрали они станичный совет по своему желанию...

Склонил свою седую голову председатель и пригорюнился. А секретарь мечтательно вздохнув, произнес:

— А вот был у нас в тую войну в полку писарь. Золотая голова у него была! Не писарь, а прямо...

Секретарь задумался над сравнением, потом сплюнул и продолжал:
— Как писал! Хорошо теперь в газетах пишут, слова нет, а он намного лучше писал! Или убили его теперь где-нибудь, или главным в газету назначили...

— Много раньше было хороших людей!—рассудительно заявил председатель,—а только теперь-то их нет. Когда надо отчет писать, их нет. А, между прочим, ты все-таки, секретарь, скажи мне, чем была хороша у того писаря голова?

— А тем была голова у него хороша, что он какую хотел бумагу, ту и писал! И отвечал сам на все бумаги. Есаул не мог ответить, а он отвечал. Принесет ему есаул бумагу и спрашивает: понимаешь, писарь, бумагу? А он отвечает: не понимаю, но ответить могу! И отвечал. А писал он—с хлюстом. С простым хлюстом,—когда тот понимает бумагу, кто ее пишет, а кто получит—никогда не поймет. И с двойным хлюстом писал бумаги: кто пишет — не понимает, и кто читает — тоже не понимает...

— Да, писарь хороший был у вас! Жаль, у нас нет такого писаря, а ты бы и горя не знали. Но все-таки надо нам писать отчет, и начинать его надо о политическом положении...

— Что ж, о политическом положении не трудно написать. Прямо так и напишем, что, мол, политическое положение не плохое, население сочувствует советской власти...

Укоризненно покачал головой председатель:

— Если ты прямо так и напишешь, это будет значить, что ты плохо напишешь. И не поймут твоего писания ни в одном большом городе. А если до Москвы отчет дойдет, то откроют рты в Москве и спросят: а на каком языке казаки отчеты пишут? И сами себе ответят: на непонятном языке они их пишут! Потому что в Москве так пишут...

Председатель взял газету и прочел:

„Льготы, долженствующие стимулировать как отдельные крестьянские хозяйства, так и целые селения к интенсификации своего хозяйства“.

— Понял, секретарь?
— Не понял, но по-ихнему могу!

И секретарь написал:

„Большой процент населения с лучшей склонностью по отношению советской власти

и несмотря на то, что имеет слабую политическую ориентировку, а самый меньший процент его придерживается безразличия (взгляд Абсолютизма) не разграничивая на бедняков и середняков, и вот эта часть населения, смотрящая безразлично, исходит в большинстве из крестьян“.

— Так хорошо будет?

— Так будет лучше! Так они поймут, потому что тут есть слова: «ориентировка» и «абсолютизм». Я их читал когда-то в газете. Теперь надо написать про экономическое положение.

— Что же! Напишем тут, что урожай хороший, а потому и...

— Только сейчас, секретарь, я поправлял тебя, и ты сделал хорошо. Что значит—урожай хороший? Кто тебя поймет, если ты так писать будешь? Разве так про это пишут? Ты вот послушай, я тебе из газеты еще раз прочитаю, а ты старайся, секретарь:

«Хотя первый месяц по всем культурам без исключения оказался, несмотря на такую обстановку на внутреннем рынке, достаточно рентабельным, он все-таки обнаружил, что в текущем году ценноопределяющим фактором явится наш хлебный экспорт и что ключ к регулированию цен на внутреннем рынке лежит в правильном маневрировании и увязке темпа нашего экспорта с темпом накопления запасов в стране для удовлетворения потребности внутреннего рынка. Но эта увязка, если мы не хотим потерять наших позиций на внешнем рынке, в первый период будет неизбежно находиться на грани напряженности».

Председатель вытер со лба пот и недоверчиво спросил:

— Вот так, секретарь, ты можешь написать?

— Про внутренний рынок? Могу! Слушай, председатель:

«Имея малый процент продукта, исходящего на рынок, покупательная способность не выходит из процентного соотношения с продуктом, выходящим на рынок, а потому покупательная способность увеличивается в связи с общим экономическим развитием населенного пункта при условиях хороших урожайностей табачного и хлебного злаков. Общая инициатива, стоящая в интересах каждого, которую с умелым руководством повести по пути прогресса».

И секретарь удовлетворенно крикнул. Крикнул и председатель.

— Это ты написал не хуже, чем у них пишут: тут уже двойным, как ты говоришь, хлюстом завязано! И «инициатива» есть, и «прогресс» есть, и рынка хоть отбавляй. Хорошо написано! А теперь, секретарь, подумаем дальше.

Секретарь кивнул головой. Некоторое время оба усиленно пытели самосадкой и тонули в облаках едкого синего дыма. Когда комната превратилась в сплошную дымовую завесу, снова прозвучал голос председателя:

— А про советскую работу напиши вроде этого:

«Эти исчисления дышат величайшей актуальностью... ибо они пытаются формулировать те основные требования, проведение которых в жизнь обозначало бы усиление социалистических элементов в нашем хозяйстве в результате реализации урожая».

— Это уже легкие слова,—сказал секретарь,— под них не трудно сделать:

„Контактированность в работе без строго принципиного взгляда в основе советской законности по структуре построения власти проводится общественная и государственная работа“.

— Ну что же, можно и так. Только у них, пожалуй, лучше: у них кто-то дышит, а у тебя насчет дыхания не сказано. Зато есть у тебя „принципный“ и „структура“, и „контактированность“ есть. Ну, это прямо надо говорить—хорошо! А вот я тебе прочитаю..

Рис. А. Р.

И с чувством глубокого уважения к умственности центра председатель огласил:

«Этот же вопрос о едином фрагтовом фронте необходимо согласовать также и со многими нашими хозяйственными организациями, которые практикуют продажу фоб наши порты и этим самым передают вопросы фрагтования в руки иностранным экспортерам, которые составляют конкуренцию нашим экспортным организациям и, в первую очередь, Экспортхлебу, как единственной экспортирующей хлебоорганизации, операции которой охватывают около 70 проц. всего экспорта СССР».

Секретарь вскопал и нервно забегал по комнате. Потом с горячностью и обидой заявил:

— Что-ж! Я из газеты и не такое вычитаю, если насчет международного-то! Ты мне, председатель, про интриги империалистов в Китае не читай,—сам знаю! А писать мне про них не приходится,—потому, что у нас в станице не только Китая, но и империалистов нет. Зря ты мне это прочитал, для обиды только прочитал! Так нехорошо, председатель, так казакки не делают!

— Чудак-человек! Это обзор правительственных мероприятий. А в станичном пределе—наших с тобой, потому что тут мы—правительство, советская то-есть власть. Вот ты и пиши про наши мероприятия. Напиши еще немного про советское строительство,—так оно называется?—и потом опять про хозяйство заверни чего-нибудь.

Неудовлетворенный разъяснениями председателя, секретарь обиженно сел за стол и написал:

«В виду того, что всем учреждениям и организациям приходится совместно строить и усиливать общественно-государственную мощь и развивать хозяйство и прогрессировать жизненное течение по очередным стоящим задачам в лице общества, взаимоотношение должно быть самое желательное в одном принципе построения. Состояние цены зависит от появления его на рынок и в каком количестве раздутье цены на товар вызывает расширение производства и в копейном удешевляет его в связи с средним появлением на рынок цена на промышленный товар средняя».

— Теперь хорошо. Ставь подпись.

А цитаты, товарищи, проверьте сами, если не лень. Возьмите «Правду» №№: 198 (передовая), 199 (статья С. Брона), «Экономическую Жизнь» № 199 и «Известия» № 195 (Хлебозаготовительная кампания). Другие же цитаты—из подлинного отчета о работе станичного исполкома Ахтырской станицы.

Кто лучше пишет?

Вл. Павлов.

„БЕССРОЧНЫЙ КАНДИДАТ“.

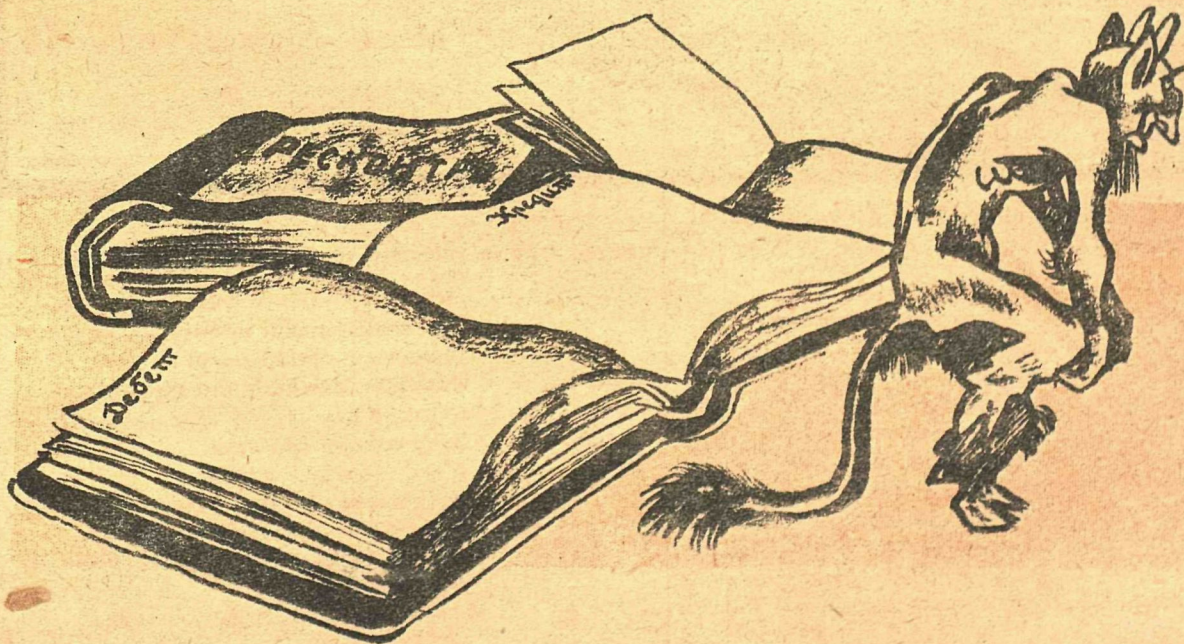
В селе Недотепах, томясь терпеливо,
Сидит «в РКП кандидат»,
И спит в ожиданьи, и старости снегом
Покрылась его борода...

И снится ему, что в избе, где ячейка,
Идет разговор «детворы»,
Что надо бы новых принять кандидатов,
А прежние... стали стары!..

Аргус.

Рис. Ив. Малютина.

ДАЖЕ ЧЕРТЯМ ТОШНО.

— Что с тобой, чортушка?
— О, господи... В кооперативную отчетность попал—ногу сломал...

ШИРОКАЯ ПОСТАНОВКА.

(Беседа).

В № 16 журнала «Работник Просвещения» (орган Центр. Комитета Союза Рабпрос), в отделе хроники, напечатано:

«На места направлен циркуляр о борьбе с растратами... Введено ежемесячное донесение о растратах в ЦК по особой форме».

Учитывая всю важность подобного нововведения (ежемесячные донесения по особой форме о растратах), наша редакция немедленно направила в ЦК Союза сотрудника за подробностями и разъяснениями.

— Мероприятие, которым вы интересуетесь, является необходимым, и своевременным,—любезно сообщили в ЦК нашему сотруднику.—Вообще говоря, не следует загружать места ни циркулярами, ни особыми формами отчетности. Но в данном случае мы имеем дело с явлением еще новым, не вполне оформившимся, и работа мест в этом направлении нуждается в регулировании из центра.

— Вы рассчитываете, что ежемесячные донесения по особой форме будут поступать в ЦК аккуратно?

— Надо надеяться. Раз дана форма,—места обязаны ее заполнять!

— Но если предположить, что в таком-то месте за такой-то месяц не будет ни одной растраты?...

— Предположить можно все... Например,—что в таком-то месте совсем не будет культработы, или тарифной работы, или даже никакой вообще профработы. Но зачем же строить подобные предположения?.. Само собой разумеется, что мы имеем в виду нормальное положение дел, а не случайные исключения.

— Думаете ли вы ограничиться особой формой ежемесячных донесений или намечаете дальнейшие мероприятия?..

— Дальнейшие мероприятия? Они, конечно, необходимы, но сейчас их можно намечать лишь в общих чертах. Придется, прежде всего, применяться к практике и к дальнейшему росту растратного дела. По мере его развития и углубления будет соответствующим образом развиваться и работа органов Союза. Потребуется ли учреждать особые отделы растрат при ЦК и губпросах, на правах остальных отделов, или можно будет обойтись подотделами при орготделах,—в настоящее время еще трудно сказать. Равным образом, преждевременно было бы говорить о точном нормировании труда растратчиков и о норме их представительства в составе месткомов. Все это — дело будущего. Надо иметь в виду, что в данный момент растраты еще не получили, если можно так выразиться, «прав профсоюзного гражданства», и что установление особой формы ежемесячных донесений о растратах является лишь первым шагом в этом направлении...

Ни в каком ЦК никакого Союза наш сотрудник, по правде сказать, не был. Возможно поэтому, что его подход к вопросу несколько ошибочен. Но растраты не сегодня начались, не сегодня и кончатся: есть еще время поучиться на ошибках.

Никита Крышкин.

— У всех мужья, как мужья... А с тобой, растяпой, до октября на даче торчишь...

— Манечка, но я же тебе говорил! У нас на службе у всех на первом плане личные интересы— за лето мне не могли квартиры отремонтировать.

ПРЕДЗАВКОМ СТЕПА КАШИЦЫН.

(Налейкинский завод, Сызранского у. Ульяновской губ.).

Наш завком
Под замком,
С волокитой незнаком,
Утром, вечером и днем
Никого не видно в нем.
Только дома, только дома
Можно видеть предзавкома.
Да и то лишь невзначай,—
Если пред пьет чай.

А не то лови ты преда
В легнем садике „Победа“,—
Окруженный цепью дам
Предзавком—там.
Если ты его поймаешь—
Станет волком он кричать:
— Ты мой отдых отравляешь!
Что ты, времени не знаешь?
Где мне взять тебе печать?
Ты еще приди ко мне
При жене и при луне!

Так завкомщики до поту
Оживляют профрабату.
Это факт. Ни дать ни взять,
Согласитесь, случай мелкий,
И об этакой безделке
Даже стыдно и писать.
Но коль будем мы стыдиться—
Нам вовек не оживиться—
Потому передовицы
Хороши
Лишь для души.

Вас. Лебедев-Кумач.

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ.

Из брошюры И. И. Иншелес «Брак, семья и развод». Госиздат. Москва, 1925 год:

«Связь между детьми и родителями — вечная, нерушимая. Она не порывается со смертью. Обязанность содержать своих детей не кончается вместе с жизнью, она тянется как будто и за гробом».

Неужели? А мы думали, что за гробом тянутся только родственники и близкие... Спасибо Госиздату. Глаза открыл.

ДОРОГОЙ ПОРЯДОК.

Из протокола № 23 общего собрания Киреевской партячейки, Стыльского района:

«Слушали:

О санитарном состоянии сельбудынка и других культурных учреждений.

Постановили:

В виду того, что клуб сельбудынок и другие ячейки культурно-просветительных органов находятся в санитарном состоянии неудовлетворительном, а посему общее собрание постановило приводить упомянутые учреждения в санитарном состоянии следующим порядком: с членов с.-хоз. и потреб. кооперации по 2 руб. за каждое собрание».

Порядочек недурной. Только маленько рискованный, а вдруг члены с.-хоз. и потреб. кооперации перестанут на собрания ходить? Быть тогда сельбудынке и другим культурно-просветительным учреждениям век в антисанитарном состоянии.

ЧЕЛОВЕК С ГОЛОВОЙ.

Вот как делают ловкие люди в провинции карьеру:

Осенью 1924 года милиционеры Ленинской раймилиции, Кольчугинского уезда, Томской губ., отчислили по 5 руб. из премиального вознаграждения за борьбу с самогоном на приобретение велосипеда для общего пользования. Но... милиционер предполагает, а начрайона располагает. Весной начраймилиции Ткач одиночно стал пользоваться велосипедом, а в конце июня подарил его начадмоддела уика Карпенко».

Ловкий парень этот Ткач! Быть ему начальником умилиции. Велосипед — он вывезет.

БРЮЧНАЯ ИСТОРИЯ.

1-я Вышневолоцкая трудовая артель портных задумала расширить помещение. В это время зам. зав. местхозом Куделин за неделю до троицы попросил артель сшить ему к празднику брюки. В виду загруженности работой артель ему отказала. Тогда зав. угрожающе изрек: — Заву местхозом не хотите сшить брюки? Ладно! И в результате в расширении помещения артели было отказано».

От малой причины — большие последствия. Зав. Куделин остался без штанов, зато артель оставил без помещения. Справедливый человек зав. Куделин!

БУДЬ ГОТОВ.

Пишут из села Покровска, Троицкой волости, Пензенской губернии:

«Пионер Андрей Рыков поссорился с пионером Козлихиным. Последний пожаловался своему отцу. Козлихин-отец, член РКП(б), свалил с ног пионера Рыкова, избил его сапогами до крови. На протест пионеров Козлихин угрожал всех избить».

Храбрый коммунист Козлихин! Боевой. Такого статьей в «Крокодиле» не победишь. Разве только статьей из Уголовного Кодекса...

ПОХОРОНЫ «С ПОМПОЙ».

В Кузнецке зав. магазином комбината Козлов на похороны восьмимесячного сына вызвал отряд пионеров и духовой оркестр».

Интересно знать, какие революционные заслуги числятся за этим восьмимесячным ребенком?

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ОБУВИ.

Нам сообщают:

«На постройках в Тимирязевской сельско-хозяйственной академии (Москва) десятник Барышев по воскресеньям заставляет рабочих чистить ему ботинки».

Чудак этот Барышев. Почему только по воскресеньям? Заставлял бы и в будни ему ботинки чистить. И обуви больше пользы, и самому приятнее... Не умеет человек своей властью пользоваться. Эх!..

ПО УКАЗАННОМУ ОБРАЗЦУ.

На заводе было не совсем благополучно. Что-то не ладилось. Надежды на выполнение производственной программы тихо и безропотно угасали. Передаточные механизмы общественной жизни застопорили: завком коллективно бездельничал, ячейка не интересовалась беспартийными, а беспартийные — ячейкой. Производственные совещания созывались редко, а созвавшись, молча слушали, единогласно постановляли кто его знает что — и проворно расходились.

Завод болел... Заводу становилось все хуже и хуже.

Митрохин, рабкор, неодобрительно и уныло всматривался в крышу заводского сарая. Крыша была, как крыша, и использовать ее в качестве газетного материала не представлялось ни малейшей возможности.

— Не текет, подлая! — с сокрушением подумал Митрохин. — На каждом заводе можно прохуженную крышу найти, — и сейчас заметка: «Чего смотрит администрация?». А у нас — об чем составишь заметку?.. Попробуй тут, порабкорствуй!

Вздохнув и сплюнув, он неспешно зашагал к главному корпусу.

На сердце у него свербило. Накинала досада. Под нахлобученной кепкой шевелилась сердитая мысль:

— Сарай выстроили!.. Надоумило дьяволов! Не было бы его, — можно бы сейчас бы корреспонденцию...

И сама собой складывалась в голове зря пропадая заметка:

«Не склад, а свалка! На заводском дворе свалены прямо в кучу и ржавеют под дождем десятки пудов превосходного железного хлама. Хорошо, если-б Рабоче-Крестьянская Инспекция хотя бы одним глазком...»

У станка Митрохин стоял угрюмый, сосредоточенный и, с сердцем, незаметно для самого себя повышал производительность труда. Слегка вползев от излишних усилий, он потянул носом воздух, огляделся вокруг и сказал:

— Не иначе, — сквозняк! Очень недолго и застудиться. Откуда-б это дуло, гезвирщик?..

— В голове твоей дует! — отозвался сосед слесарь. — Откуда быть сквозняку, когда двери закрыты и все окна затворены?

Митрохин подумал тоскливо:

— «Охрана труда, загляни сюда» тоже, выходит, нельзя написать... Полон соседний двор огельцов, — хоть бы один печально камнем в окно звезданул! Воровать, должно быть, учатся, оттого и не бабуются...

В обеденный перерыв он ласково и приветливо поздоровался с инженером:

— Добрый день, Иван Николаич! Погодка-то нынче...

— Погода хорошая, — согласился инженер.

— Замечательная погода! — подтвердил Митрохин. — На вашем месте, распорядился бы я запрячь лошадку, да и прокатился бы с супругой на базар. Одно удовольствие по такой погодке! А лошадям заводским тоже моцион требуется: застоялись они...

Заметка складывалась, как по-печатному:

«Наши снецы. В то время, как рабочий, которому нужны дрова, вынужден таскать их на себе, главный инженер с супругой преспокойно раскатывает на заводских лошадях по базарам; на что директор и завком смотрят сквозь пальцы. Не мешало бы...».

Но инженер сказал:

— Ну, есть мне время кататься! Да и неудобно: еще в газеты попадешь...

— Тьфу! — подумал Митрохин. — Найди тут, о чем написать, на заводе на нашем! Из пальца я, что ли, буду высасывать? Все сорта заметок перебрал, — и ни одна ни к чему не подходит. Каторга, а не рабкорство!.. Пойти разве, пивка хватить парочку?..

В уме, слово-за-словом, складывалась отличная заметка:

«Закройте притон! Пользуясь близостью пивной, многие рабочие во время обеденного перерыва забегают туда опрокинуть бутылочку дурманной отравы и возвращаются на работу под легким хмельком. Не мешало бы...»

На заводе было неблагополучно. Надежды на выполнение производственной программы таяли, как снег среди лета. Общественная жизнь сошла на нет. Ячейка склочничала и вариалась в своем соку. Завком превратился в канцелярию.

Завод болел...

Грамск.

ПРИЕМЛЕМЫЙ ЛОЗУНГ.

Рис. К. Елисеева.

ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ:—Да боже-ж мой! Да мы же тоже за лозунг „Руки прочь от России“! Более того: и руки, и голову прочь!

БУМАЖЬЯ СМЕРТЬ.

В трест пришла бумага. Простая и спокойная, хотя и было на ней наверху написано — «спешно». Из тех, что в трестах именуются «бумажками». А написано было в ней о том, что некий рабочий изобрел предмет, для треста необходимый, стоимостью ниже заграничного, до сих пор употребляемого трестом, процентов на 50, и достоинством выше на

столько же. И просила «бумажка» трест: — «Сообщите до такого-то срока ваше согласие, в противном случае изобретение будет уступлено харьковскому тресту имя рек».

А дальше — все, как полагается: пришла бумажка в регистратуру. Регистратор написал:

— Вх. № 1998765, 15/IX.

И поставил штемпель с часиками, нарисованными, — в двенадцать часов и тридцать минут, мол, пришла бумажка.

Поседель в боях, управдел при очередном разборе почты сразу наткнулся на бумажку и начертать соизволил резолюцию:

— В АИЗ.

А через несколько дней с изумлением узнал бумажку, но с новой надписью:

— Как ошибочно засланное, вх. 178964, исх. 642789, 20/IX.

Управдел прочитал эту надпись. Повлияла на него она, а потому написал:

— К докл.

А значило это, что бумажку надо доложить «самому».

Три дня гонял «сам» секретаря, потому что было ему («самому», то-есть) некогда принять доклад. На четвертый день секретарь прорвался, но при первых же его словах «сам» заявил:

— Голубчик, Сергей Петрович (секретаря звали Иван Федорович), засуньте-ка это (куча бумаг за три дня) ко мне в портфель. Я там — и он неопределенно помахал в воздухе рукой, — разберу...

Иван Федорович взял портфель, вежливо сунул в самую глубину вывалившиеся две пары шелковых с рубчиками чулок, а потом привалил бумагами. «Сам» подхватил портфель, сунул секретарю руку так, чтобы ее секретарь не мог поймать, и вымелся. Секретарь подошел к зеркалу, пригладил пробор, зачем-то сказал:—Ну и ну! и позвонил по телефону 3-20-06 Симочке, что он сейчас придет.

А «сам» сел в автомобиль и поехал на заседание, потом на другое, потом еще и еще на одно, потом сразу на два. Вернулся домой в час ночи, разбудил жену и сказал:

— Не спи, соня! Посмотри, какие я тебе у румынки чулки купил: в пассаже двенадцать рублей стоят, а она за шесть пару отдала.

Жена радовалась, радовался и «сам». Однако, оторвался недоуменно рылся в портфеле, чулок не находил, пока не вывалил всех бумаг на стол и не обнаружил искомого на дне.

— Насуют, чорт знает чего!

Жена радовалась, радовался и «сам». Однако, оторвался, от семейной жизни и пошел ставить чайник. Когда примус разгорелся и чайник был водворен на место, оказалось, что жена спит, уронив новые чулки на пол. «Сам» ласково улыбнулся, чулки поднял, покачал головой и сел писать доклад. Часа в три ночи вспомнил про чайник, плюнул, потушил примус и лег спать. А на утро жена сказала:

— Чулки такие милые, такие милые, — давно такие хотелось. А только я тебе положила в портфель полтора метра шелку и метр парчи,—завези Аннет. Пусть пришьет рюшку из шелка, а из парчи... И обязательно до двенадцати...

«Сам» приехал на службу, схватил портфель, вытащил шелк и парчу, хотел на них поставить резолюции, но понял, что этого делать не нужно, плюнул, сунул обратно. В одиннадцать поехал в Госплан, а по дороге заехал к Аннет и попросил шофера занести свертки и записки, сам ждал в автомобиле. В Госплане взял для отзыва два доклада, сунул в портфель, на службе насовал туда же еще бумаг, дома жену застал спящей, но чулок не привез, а потому ходил на цыпочках, ставил опять чайник и опять чаю не пил.

... Когда жена «самого» убирала к рождеству комнату,—сказала сердито:

— Вечно твои бумаги везде валяются! Не можешь разве разобрать? Отбери нужные, ненужные я пожгу.

— Сколько раз я говорил — моих бумг не... — но потом не договорил, отобрал из кучи штук шесть и сказал спокойно:

— Остальные — жги.

Жена частью подтопила плиту,—а часть нацепила на гвоздик в некотором месте для некоторого употребления. И когда «сам» пошел в это место, — прочитал спешную бумажку от 15/IX, увидел, что пропустил все сроки ответа, вздохнул, печалился и... использовал бумажку.

Некто Володя.

РАССКАЗ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И О СПОСОБНОМ ДОКЛАДЧИКЕ.

I.

Говоря по правде сущей,
Прост рассказ и суховат...
В том году «момент текущий»
Был задачами чреват.

Культпросветные заботы,
«Ближе к массам», «парт-актив»,
«Оживление профработы»,
Много срочных директив,

Ряд «увязок», ряд «охватов»,
Смычка города с селом,
«Профсоюзных бюрократов
Из союза помелом»

Вовлечение делегатов,
Изживание растрат..

II.

«Я, конечно, буду краток»,
Начал Хватов свой доклад.

Говоря по правде сущей, —
Вот доклад! Доклад с огнем!
Весь, как есть, момент текущий
Осветил докладчик в нем!

Он не даром — вождь ячейки,
Он судил не вкривь, не вкось;
Словно трели канарейки,
Слово за словом лилось.

Между прочим, но широко
Бросил лозунги доклад
О Китае, о Марокко,
О растратах (целый ряд!);

В изложении умелом
Двинул тему про актив;
Дал и в общем, дал и в целом
Много ценных директив.

Были бодры мысли взлеты,
И низались четки слов
О задачах профработы
С вовлечением низов,

Об увязках, об охватах,
О борьбе с растратным злом,
О союзных бюрократах
И о городе с селом...

III.

Говоря по правде сущей,
Пред звонил уже не раз:
Проходил момент текущий,
Проходил за часом час...

Массы робко зароптали:
«Ваше время истекло!»...
Но звучал звончее стали
Голос чистый, как стекло.

И порхали в душном зале
Отголоски звучных фраз
Об активе и так дале,
И о втягиваньи масс,

О подходе к ним умелом,
Примененном не везде,
И об общем, и о целом,
И т. д., т. д., т. д....

IV.

Дни прошли. Ползли недели.
Пред сморился без еды.
Массы сильно поредели,
Опустели все ряды.

Член завкома, с лютой скуни,
Сделал несколько растрат,
Просидел на стуле брюки
Профсоюзный бюрократ, —

Но, сказать по правде сущей,
Не закончился отчет:
Ведь, в речах «момент текущий»
Очень медленно течет!

А в моменте — ряд вопросов:
Оживление... Проф-актив...
Перевыборы упросов...
Ряд важнейших директив...

Вовлечение делегатов,
Выдвижение новых сил...
«Впрочем, я-то буду краток», —
Вновь докладчик повторил.

V.

Проходили год за годом...
Массы просто ли вовлечь?!..
С очень чутким к ним подходом
Продолжал докладчик речь...

Обветшали в зале стены,
И скрипел, дряхлея, пол...
Время шло. Сменялись смены.
Стал стажистом комсомол.

Дети сделались отцами,
В коммунизм вросло село...
Тут сводить концы с концами
В ум докладчику взбрело.

Говоря по правде сущей,
Стал он стар и слаб, но все ж
Уловил момент текущий
И прошамкал: «Как хорош!..»

Не напрасны сил затраты,
И боролся я не зря:
Вот какие результаты
Дал доклад секретаря!..

VI.

«Но, сказать по правде сущей,
Я бы слова попросил
Чтоб момент, сей час с текущий,
Осветить по мере сил!

Я, конечно, буду краток»...
И, взбодрясь, как будто с плеч
Разом сбросил лет десяток,
Хватов снова начал речь.

Грамен.

Моно набрало себе полторы тысячи
дач, из которых многие гибнут благодаря
отсутствию ремонта.

Рис. К. Елисеева.

— Что это за развалина?
— Это пример неу-ДАЧНОЙ МОНО-полии.

КТО ОБ ЧЕМ...

На заседании завкомской комиссии по оживлению профработы распределяли членов комиссии по секциям. Каждый избирал себе какую-нибудь работу.

Дошло до Ивана Митюшина. Председатель спросил его:

— А ты, Митюшин, чем интересуешься?

— Я? Больше вопросами зарплаты,—ответил Иван Митюшин.

Тут все засмеялись, а Митюшин заплакал.

Ина.

ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ СОВСЛУЖАЩЕГО.

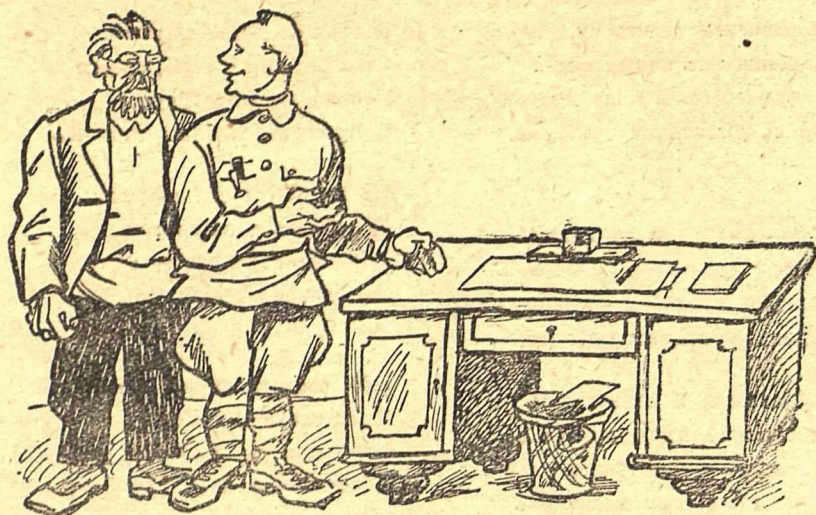
«...И прошу похоронить меня по семнадцатому разряду с нагрузкой»...

Л. М.

МЕСТНАЯ ТЕМА.

(А может быть, и Повсеместная)

Рис. И. М.

— Что это вашего секретаря никогда нет на месте?
— А потому, что он вообще не на месте.

ОБ ОЖИВЛЕНИИ ПОВЕСТКИ.

На заседании месткома обсуждались методы оживления профессиональной работы, в частности,—общих собраний. Доклад сделал председатель месткома.

— В этой области, товарищи, у нас далеко не благополучно. Начать с того, что, несмотря на принимаемые меры, с общих собраний, чорт их знает как, ускользает 50 процентов сотрудников! Что же касается остальных, то, товарищи, 10 процентов их впадает во время собрания в состояние полного сна, а 15 процентов—в состояние дремоты. Заседание месткома оживилось, посыпались восклицания и предложения.

— Голыми руками сотрудников разве удержишь?

— Ни одна же дверь не запирается!

— Чорт знает, что такое!

— Ввести танцы!

— Сам после занятий потанцуй!

— По порядку, товарищи! — перебил председатель. — Танцы, — предложение нелепое, принимая во внимание бухгалтеров. Надо подходить изнутри! Мое предложение: Иванова больше докладчиком не назначать. Вы, тов. Иванов, не обижайтесь! Мой вам совет — в лечебницу для заик обратитесь! Там же тоже практика, а на собраниях у вас, за полгода, простите, ничего не вышло!

— Еще предложение, — допустить критику!..

— По предварительному согласованию таковой с месткомом!

— Принято, товарищи, — постучал председатель. — Третье предложение,—оживить повестку, хотя бы путем включения туда вопросов, затрагивающих интересы служащих. Эй, кто там?

В дверь просунулась голова начальника канцелярии Петрова.

— Очень заняты, Александр Иванович? — спросила голова. — Приказчик тут один по учреждению... Начальство требует, чтобы сейчас — визу... Правила внутреннего распорядка, видите ли, и... того... Пунктик один сомнительный...

— Прислушайтесь, товарищи, — постучал по чернильнице председатель.

— Где он — сомнительный?

— А вот! Третий, изволите ли видеть: «Запрещается во время работы: 1) тяжело дышать, 2) учащенно моргать глазами, 3) чесать в затылке и 4) сучить ногами вокруг стула. Сморгаться разрешается лишь в определенный промежуток времени, устанавливаемый для каждого сотрудника в отдельности, особым расписанием». Все-с!

— М-да! — задумался председатель. — С кодексом согласовано?

— Не противоречит!

Председатель взял перо и написал:

«С месткомом согласовано».

— На общее собрание, товарищи,—сказал он,—выносить не будем. Скандалу не оберешься! И так, товарищи, об оживлении повестки... У кого предложения?

Предложений не было.

В. Авилов.

КОСА НА КАМЕНЬ.

...Фамилия ему от самого урждения — Прыщ, Яков Прыщ, проживал же он в уездных центрах до самого момента добровольности, а также до самоличного прибытия в весьма даже неизвестную деревню Шестихаточки, где местные жители очень тихо свои веки проживают, никого не трогают и вообще.

Прибыл к нам Яков Прыщ на предмет поворота собственного своего лица до деревни. И объяснил нам по первости:

— Как вы есть темные, неученые, а я в известных смыслах есть образованный в отношении школьных ступеней, то желаю я с упомянутых ступенек снизойти до вас, аки луч света!..

— Дык как же? — спрашиваем, — слышали мы краешком уха про лефестрекацию, не по этой-ли части будешь? Озлился он очень значительно.

— Дураки вы и невежды! Вот, что я вам на это отвечу, — ослы вы!..

— Эге-ге! — смекаем мы, — не иначе, как специалист по скотской части!

Ну, держим свое понятие при себе.

Яков-то Прыщ-то с нас, подчиненных, перекидывает свой строгий взгляд на сельское начальство и объявляет им в полности:

— Для местных жителей вы есть, конечно, власть, потому они темные и ни черта в ваших подробностях не понимают, а я вас, сукиных сынов, на чистую воду выведу... Под следствие возьму, потому мне наскрозь видно, в кого какая фамилия и кто при чем!

Наша власть на подобные слова отвечает:

— Мандат у вас, товарищ, на все вышеупомянутое имеется?

— То-есть, как же это, — говорит, — так? Город на меня высокополномочия возложил, а вы меня же контролировать? Это что же? Бунт?

— Бунт тут не при чем! — возражает наша власть, — бунт, ежели у населенности с властью вопреки. А у нас тут, между прочим, вышеподобные отношения взволновываете и авторитет совместной власти взрываете!

— Так-с! — продолжает Яков Прыщ свое возражение,—вы здесь как? За бесплатность властвуете?

— Дык и вы, товарищ, бесплатно не проживете!

— Мое — другое дело. Добровольный я... И ежели делаю я по добровольности, то кто мне указ и кто мне приказ?

И много еще объявлял «добровольный» наш командыватель Яков Прыщ...

Ну, только наши Шестихаточки, хотя и темные, а тоже иногда соображают. И вынес общий сход таковое постановление:

«В виду что прибыл к нам командыватель Яков Прыщ по фамилиям, при этом объясняя, что ежели добровольность, то этому перечить невозможно, то мы также по собственной добровольности отказываемся от подобного командывателз».

Зажал Яков Прыщ—командыватель—в злости губу, узнавши про такое постановление. Сплюнул сквозь зубы, погнавши всех к чертям.

После чего ушедши в уезд пешком, потому никто лошадей командывателю добровольно не давал.

Л. Митницкий.

АНГЛИЙСКИЙ ТОРГОВЕЦ В КИТАЙСКОМ ГОРОДЕ.

Рис. И. М.

— Чорт знает! За целый день торговли выручки—как кот заплакал.
— Знаем мы, как зовут этого кота. „Бой-кот“ его зовут.

— Уважаемый мистер Гендерсон, не сообщите ли мне, как сотруднику крупной газеты: почему местом для с'езда 2-го Интернационала избран Марсель?

— Странный вопрос! Марсель—центр производства мыла. А в грязном деле полезно иметь мыло под рукой.

РЕВНИТЕЛИ ГОСДОБРА.

- Что ты какой расстроенный?
- Портфель потерял... С казенными деньгами.
- Ну, подумаешь... Такая мелочь.
- Да я знаю, что мелочь! Но вот обида: там у меня три метра батиста было. Только-что купил для жены.

К СЕЗОНУ.

- У вас давали уже спецодежду?
- Пока дали только часть—по шапке.

В ПРОВИНЦИИ.

- Я предполагаю вам отказать.
- Ну, знаете... Пред—полагает, а центр—располагает.

— Вот, тов. студенты, на редкость яркий случай летаргии, т.е. беспробудного сна. Этого человека нам не удалось разбудить никакими средствами, известными медицине. Уж после мы узнали, что он—председатель охраны труда.

УМЕЛЫЙ ПОДХОД.

Председатель шефского общества сказал Жевакину:

— На этот раз в подшефное село ты поедешь. Парень ты солидный, развитый и непьющий. Недельку там проторчишь, — кстати, освежишься. Не работа, а сплошное удовольствие: скажешь пару слов о многополье, о тракторе, да насчет Авиахима удочку закинь. Деревню, чай, ты знаешь?

— Я-то? — удивился Жевакин: — как самого себя! То-есть бывать не бывал, врать не хочу, и зато по литературе отлично изучил. Да и не в знании дело, а в умелом подходе. Приедет в село этакий хлюст в автомобиле, заедет к председателю, созовет собрание, начальство из себя корчит и мужиков словами иностранными донимает. А я, брат, наоборот...И подлинным народным языком говорить буду, и вообще по-простецки!

— Молодец Жевакин!—одобрил председатель. — Действуй!

И Жевакин стал действовать. Напялил на себя коричневую рвань, купил фунт махорки, бумаги, спичек и отправился на вокзал.

Выкатившись из вагона, Жевакин расспросил про дорогу и бодро зашагал среди поля приветливо кивающей ржи. Вскоре показались соломенные крыши, и он очутился на улице.

На площади, на бревнах, сидело несколько крестьян.

— Скажите, робя, как это село прозывается? — спросил Жевакин.

— Глуховка.

— Глуховка? — обрадовался Жевакин: — ее-то мне, проклятую, и надобно!

— А вы мужики будете?

— Известно, мужики. Бабы вон там, подале, сидят. По случаю праздника поговорить собрались.

— Начнем! — решил Жевакин. Он лихо сбил на затылок фуражку, свернул толстую «собачью ножку», присел на бревно и, лукаво подмигнув, сказал:

— А ну-ка, зыбанем махры! Как у вас тут тае... насчет самогону? Самосильно гоните?

— У нас этой пакости и в заводе нет, — сурово обрезал его сосед.

— Ах, ядят те мухи с комарами! — удивился Жевакин: — нет самогону? Это, робя, не тае... Ну, ладно, без самогону бесперечь покалякаем. Как я из городу приходши и в культах и просветах разных побывал, могу вам в полной плепорции про многополье обсказать. Пользительная штукенция, в рот ей ситного с горохом!..

Мужики переглянулись. Жевакин вдохновенно продолжал:

— А вот есть еще штукенция,—трактор: налил в него малость керосину, пустил в поле — он тебе сразу и вспашет, и сожнет, и готовый хлеб в овин привезет. Паром действует, как, к примеру, чугунок. Или вот тоже Доброхим. ежели я привезу сюда баллонту с газой да выпущу газу эту самую — вы все мо-

ментально передохнете. Сила! А потому, ежели хотите быть сознательными, записывайтесь в Доброхим!

Жевакин замолчал и стал свертывать «собачью ножку». Из толпы вышел рыжебородый мужик с веревкой в руках и сказал Жевакину:

— Ловко вы это все нам объяснили. Сразу образованность видать. А только, хотя вы до всего дошли, а не знаете, что такое калмыцкий узел!

— Калмыцкий узел? — удивленно поднял брови Жевакин. — Это тае... любопытно!

— Сичас я вам покажу. Руки за спиной сложите, вот так... Готово!

— Что за глупые шутки? Развяжите, братцы! — удивился и испугался Жевакин.

Но на его протесты не обращали внимания. Усадили в телегу и повезли.

Через час телега остановилась перед домом с вывеской: «Канцелярия начальника милиции». Возница высадил Жевакина, ввел его в канцелярию и подал начальнику милиции бумагу.

В бумаге значилось:

«Начальнику милиции. При сем доказывается неизвестного социального происхождения сумасшедшая личность, каковая в нашем селе говорила несообразные несурзанности, для направления в ненормальную лечебницу для таковых.

Предсельсовета Федор Кулик».

Н. А. Карпов.

НАШ ПАНОПТИКУМ.

Таганрог, ГАЗ — 10.

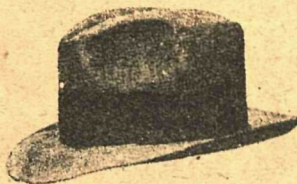
Хорошо бы снабдить каждого рабочего слесарного цеха вот таким зонтиком, а то там крыша протекает... Все-таки гораздо проще приобрести несколько тысяч таких зонтиков, нежели починить крышу... Экая недогадливая там администрация!

3-я объединенная фабрика. Кострома.

Зав и мастер отдела «Лента» и А. Силин подбирают работниц молодых и хорошеньких... Вот посмотрит Силин на эту «красотку», вздохнет и скажет: «Как жаль, что она в паноптикуме, а не у меня в отделе».

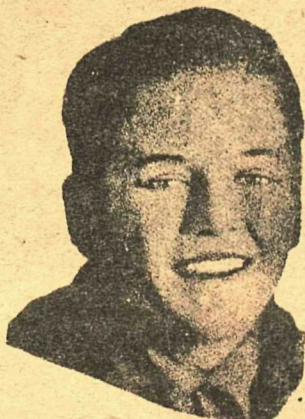
Подкрути Гайку.

Народная больница в Б. Батыреве, Чуваш-республика.

Это местком... Больных там кормят тухлым мясом. Санитарки грубо обращаются с посетителями... Теперь понятно, почему он шляпа.

Куракан.

Ковровский рабочий кооператив.

Этот юный пионер благодарит Ковровский рабочий кооператив за присланный им в лагеря хлеб с запеченными тараканами и битым стеклом. — Стекло, — говорит он, — плевать, только зачем тараканов уничтожать такой мучительной смертью... Дети — они всегда добрее взрослых.

Весело.

Гор. Тобольск.

Это из именного блокнота информатора ОГПУ. Почему, Петр Платонович, только — палитра и кисти... Хорошо бы тут еще ангелочков с крылышками изобразить, розочек... Эх, вкуса у вас нет!

И Ю Л Ь

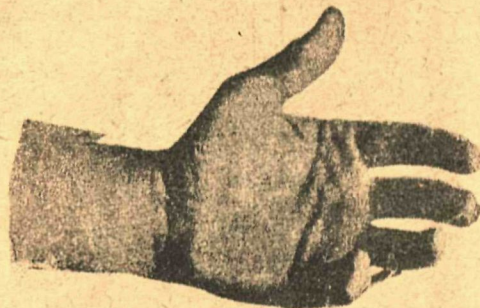
11

Суббота

Гор. Звенигород.

В этот день заврайонным отделением МСПО т. Давыдов вздумал прокатиться до дер. Игнатьево на казенных лошадях и так гнал лошадей, что одна из них издохла... Вот еще одно подтверждение, что не только тринадцатое, но и одиннадцатое число может принести несчастье.

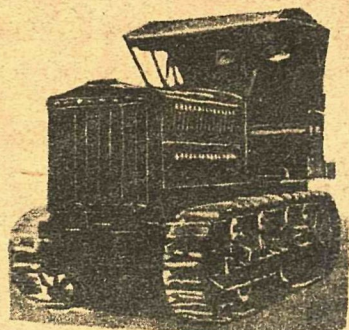
Чайник.

Ново-Покровский район, Кубанского округа.

Рука предрика Александра Захарова, расписавшаяся и получившая за июль месяц 1925 г. два оклада содержания. Золотая рука, Ловкая. В особенности, если еще принять во внимание, что эта же рука еще не подписала ведомости для уплаты жалованья учителям за май месяц... Правильно сказано: «Своя рука — владыка».

Никонго.

Донбасс, Криндачевка, «Шерстрой».

Этому трактору очень надоело с осени 1924 г. до сих пор стоять под открытым небом и ржаветь... Вот он и пришел в паноптикум... И правильно сделал: все-таки здесь посуше.

Таганрогский.

Богородск, Тульск. губ.

Вот этот громкоговоритель, установленный в партийно-профессиональном клубе им. Карла Маркса, вот уже 3½ месяца как ни слова не произнес... Мы знаем, почему он молчит, — вероятно, он из треста Слаботока. Вот и не желает ни с кем разговаривать.

ТЫ ПОСЛАЛ МАТЕРИАЛ
ДЛЯ НАШЕГО
ПАНОПТИКУМА?

Металлургический завод, Таганрог.

Вот такие «брюки» выдали слесарям электростанции в качестве спец-одежды. Ну, и шутники же тамошняя администрация... Веселые ребята — с таким никогда не будет скучно.

Дремучий.

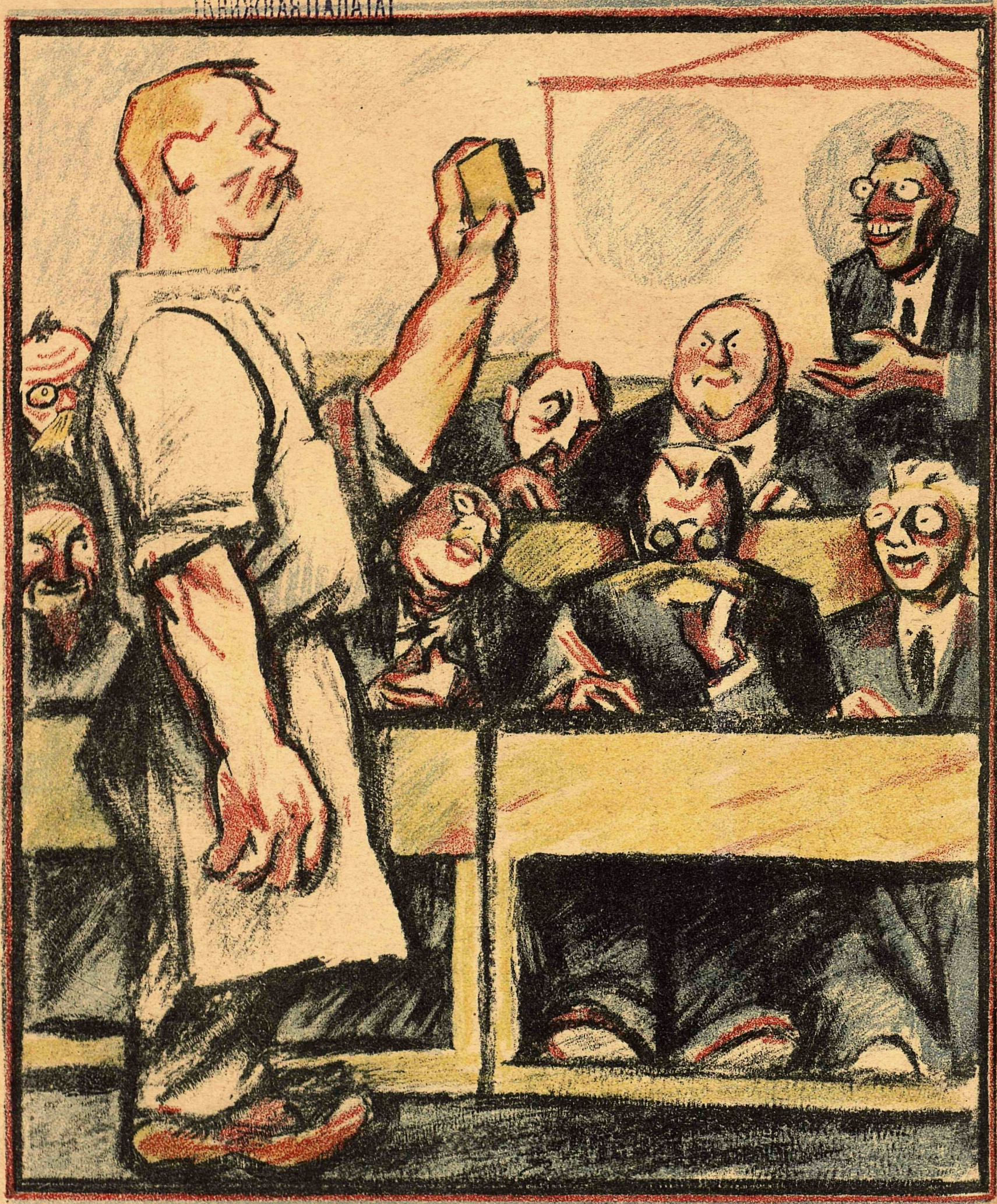
82 14307

224

Российск.Центральн.
- 7 ОКТ 1925
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

ОН ПРАВ.

Рис. Ив. Малютина.

НА УРОКЕ ПО КАЧЕСТВУ ПРОДУКЦИИ.

- Вот, в одной коробочке содержится 75 спичек. Итак: сколько спичек содержится в десяти коробочках?
- Четыреста.
- Садитесь.

+